

Государственная
образовательная

СССР
имени
В. И. ЛЕНИНА

МУРЗИЛКА

№ 2

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ

ФЕВРАЛЬ
1948

ПАРАД

У Советской Армии
Отточены клинки.
Идут в строю ударные,
Гвардейские полки.

Конники суровые —
Защитники страны.
Стучат, звенят подковами
Под ними скакуны.

Пунцовыми знамёнами
Вся улица цветёт, —
Походными колоннами
За танком танк идёт.

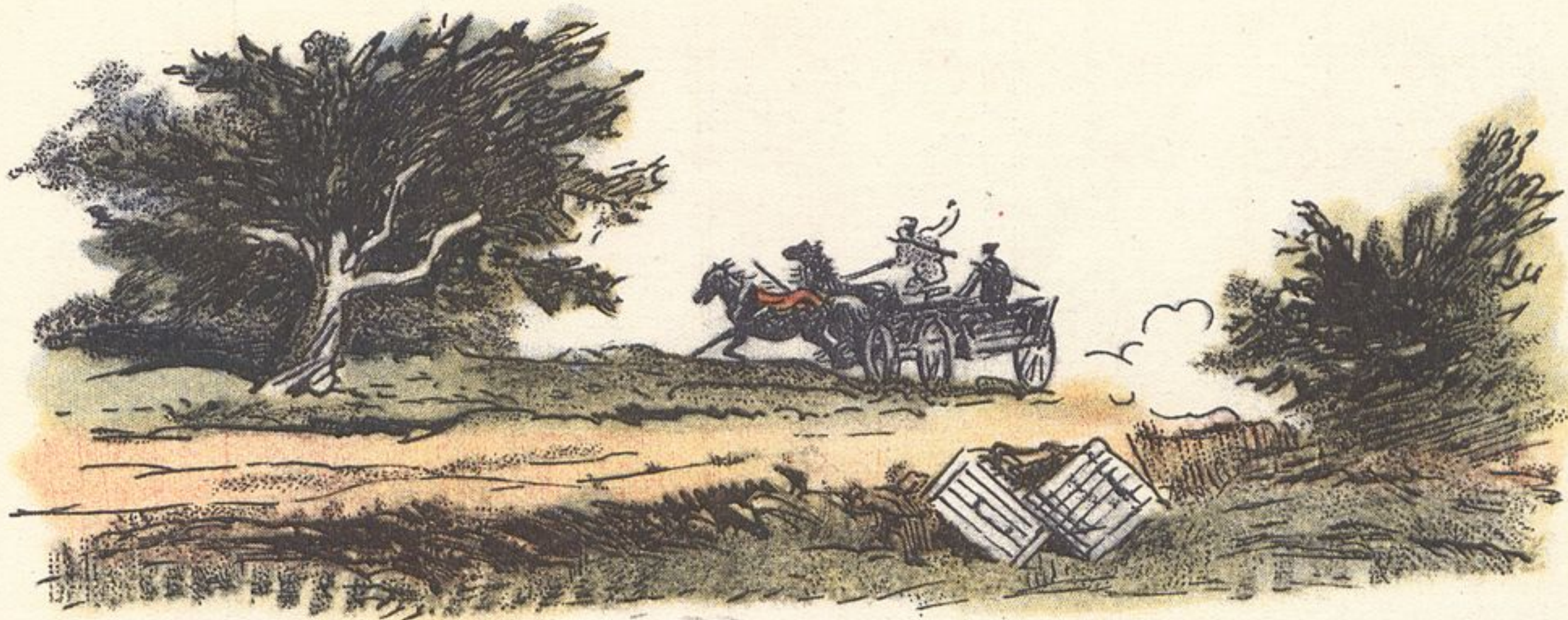
Под облака морозные,
Как пёрышки легки,
Взлетают краснозвёздные
Лихие ястребки.

И пушки дальнобойные
Гремят по мостовой,
За труд, за жизнь спокойную
Готовые на бой.

Идут полки ударные
Под знаменем побед.
Родной Советской Армии
Сегодня тридцать лет.

Е. ТРУТНЕВА

А. ГАЙДАР

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

П а т р о н ы

Р а с с к а з

При отступлении испуганные лошади опрокинули в придорожную канаву разбитый ящик с патронами.

В спешке никто их не подобрал. И только через неделю, срезая для козы траву, наткнулся на них Гришка. Он вытряхнул козий корм. Навалил в сумку много патронных пачек, принёс домой и похвалился:

— Вот, мама! Нашёл! Блестящие, новенькие. Я сейчас побегу, принесу ещё кучу.

Но мать быстро закрыла огонь в печке и на Гришку закричала:

— Умный ты, Гришка, или полоумный? Тащи сейчас же этот страх и утопи в пруду или в речке. Быстро, или я деда позову!

Вздыхнул Гришка: как тут будешь спорить? Взвалил сумку на плечо и понёс из хаты.

Но патроны в речку не кинул. Оставил себе три пачки, остальные свалил в кустах, за огородом, накрыл соломой и засыпал сухими листьями.

* * *

Утром дед Семён вошёл в хату, бросил топор, сел на лавку, распахнул окно, закурил, задымил и сказал:

— Беда, Ганна! Сдаётся мне, что либо махновцы, либо казаки опять близко. Стою

я у колодца и слышу, как за речкой громко да тяжко бомба раза два на лугах грохнула.

Тогда мать кинулась в чулан, проворно собрала одежду, что получше: платок с бахромой, платье, серые дедовы шаровары, розовую Гришкину рубаху. Связала всё в узел и спрятала в хлеве под сухим свиным корытом.

Но махновцы были тут ни при чём.

Вернулся Гришка с речки только к вечеру. Принёс он одного карасика, двух ершей да плотичку. Хмуро повесил эту рыбу на гвоздь, чтобы не сожрала кошка, и, не похвалившись уловом и даже не спросив обедать, боком-боком направился было спать на сеновал к деду.

Но мать сразу заметила, что рука у него обмотана тряпкой, глаза виноватые, а лицо унылое. И в тревоге спросила:

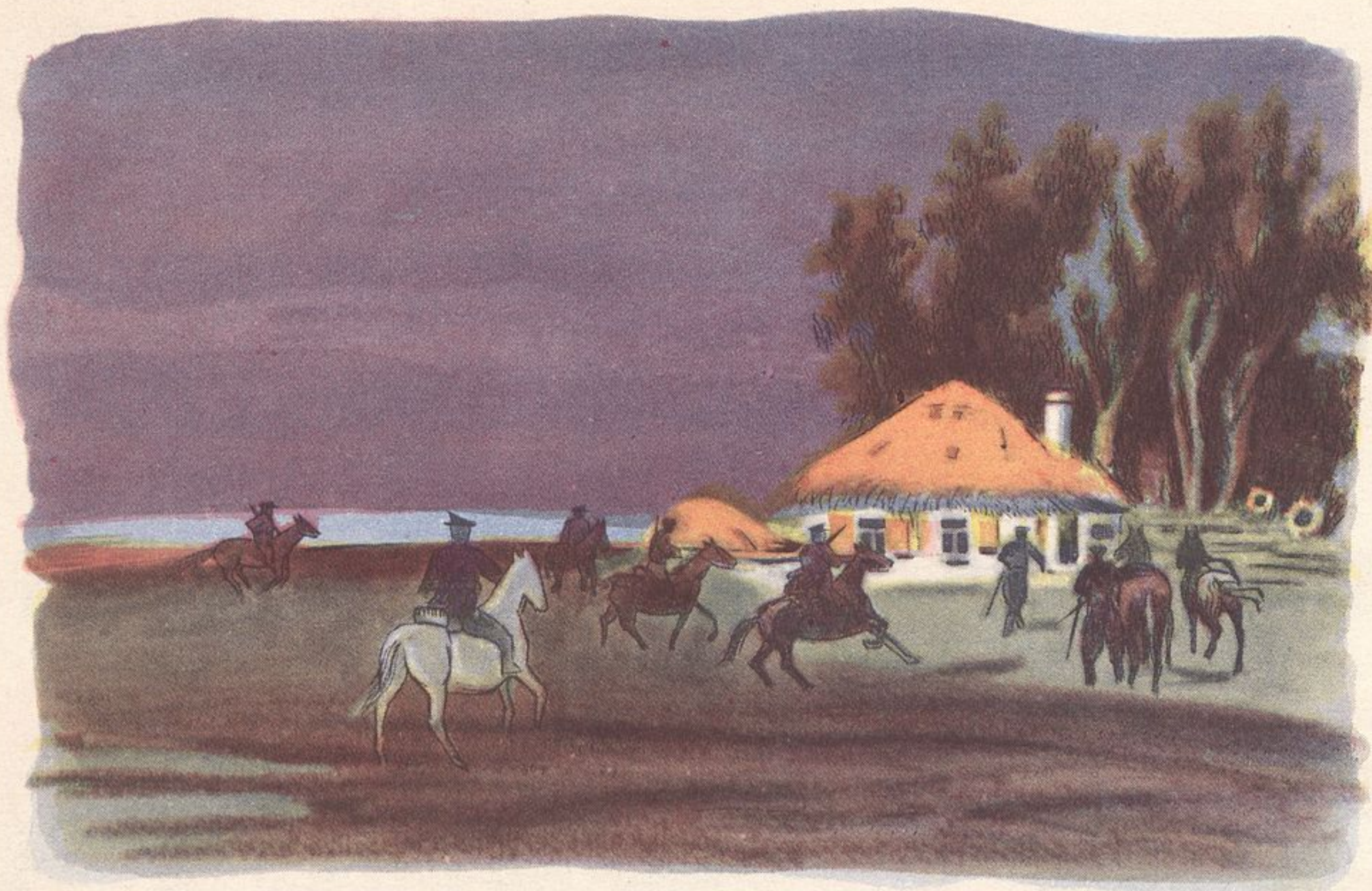
— Это что у тебя с рукой, Гришка? Опять патроны?

— Нет, у костра обжёг, когда пёк картошку. Ты мне смажь да завяжи покрепче, мама.

Тогда мать уверенно сказала:

— Ой, врёшь, Гришка!

Но руку ему салом смазала, приложила свежий лопух и чистым лоскутом завязала.

Потом она вышла и села у крылечка.

Большая кругом лежала земля. Большая ходила по дорогам война. Вот тут-то, на войне, и стояла серая с белой трубой хата, где жила мать и её сын Гришка.

* * *

На другой вечер пронёсся по улице топот, стук и гром.

Просунулась в дверь винтовка, за ней бородатый казак. Стукнул он прикладом об пол и приказал:

— А подать сюда хорошей еды и самого холодного молока крынку!

Испугался Гришка, вынул патрон из кармана и незаметно кинул его за окошко. Да вот беда! Упал патрон прямо другому казаку под ноги.

Поднял казак патрон, отнёс в хату и показал его старшому.

Отодвинул пустую крынку старшой. Растегнул ворот, распустил пояс и объявил:

— Не иначе, как здесь оружейный склад. Обыщите вы все сарай и погреба, да и сундуки тоже. А кто тут есть в доме хозяин, — посадите его под замок в амбар.

И посадили старого деда Семёна в амбар.

Вышла во двор Гришкина мать, заплакала, заругала Гришку:

— Чтоб ты пропал со своими патронами! Беги, Расскажи про беду дяде Егору.

— Плохи дела! — сказал Гришке дядя Егор. — Надо выручать старика, а как — не знаю. Пойди узнай, много ли казаков и думают ли они остановиться на ночёвку, а я подожду тебя у реки.

Пошёл Гришка считать казаков. Но казаки не стоят на месте, а взад-вперёд по селу шмыгают. И очень просто одного казака за двоих сосчитать можно. И стал тогда Гришка считать по дворам казачьих коней. Насчитал двадцать три, хотел бежать к дяде Егору, вдруг за кустами раздался выстрел.

Тут выбегает казак, ведёт под уздцы коня и кричит:

— Сюда, сюда! Здесь красные близко.

— Что ты городишь, баранья голова? — спросил старшой. — Это наш конь.

— Нет, это их конь, — отвечал казак. — Сейчас я сбил с этого коня одного партизана.

Пока они дивились, выбегает ещё казак — сапоги в руках, волосы мокрые, — и давай ругаться:

— Ах, такие-сякие, кто моего жеребца увёл?

— Да разве же это твой?

— А то чей же? Или у вас глаза ослепли?

Собрались тогда все казаки в кучу и стали разбирать: как же оно так вышло?

* * *

А вышло вот как. Привязал казак коня, а сам кустами по круче полез к речке — купаться. А в кустах дядя Егор сидел и ждал Гришку. Увидел Егор коня без хозяина. «Дай, — думает, — вскочу и помчусь за помощью в лес, к партизанам». Только вскочил на коня, вдруг — хлоп! — ударил сбоку выстрел. Слетел под обрыв дядя Егор и задал скорей ходу назад, в деревню. Пуля только ремень порвала.

Пробрался дядя Егор к амбару и слышит,

как дед Семён через стену часового ругает. И так он его стыдит — и жуликом зовёт, и разбойником бранит.

Рассердился часовой, прислонил винтовку к стене, а сам по лестнице забрался к чердаку и давай тоже деда ругать через окошко.

Вылез тогда дядя Егор, открыл затвор и все пять патронов из казачьей винтовки вынул. «Сейчас, — думает он, — ты слезешь, и я тебя из-за угла тихо возьму, голубчика». И только отпрыгнул дядя Егор за угол, как опять наткнулся на другого казака.

— Ты что здесь прыгаешь? — спросил казак. — Или ты не знаешь приказа по домам сидеть, а по задворкам не шляться?

Отвёл он Егора к старшому, и тот приказал:

— А запирайте этого прыгуна к старику в соседи.

Заперли и дядю Егора в амбар.

Не нашёл Гришка Егора у речки. Когда вернулся, уже совсем стемнело.

— Чтоб ты провалился со своими патронами! — ещё горше заплакала мать. — Посадили теперь под замок и дядю Егора.

И стало тогда Гришке так жалко деда Семёна и дядю Егора, что потекли по его щекам сначала две слезы, потом ещё четыре. Но вздохнул он, перестал плакать и молча скрылся.

Подполз он от огорода к амбару. Лежит в крапиве и тихонько шепчет:

— Дядя Егор, дед Семён! Вы разгребайте руками под брёвнами дыру, а я отсюда лопатой копать буду.

Но казак, что за плетнём дверь караулил, уши, как волк, расставил и шум услышал.

— Стой! — крикнул он. — Кто идёт?

Гришка — бежать. Хлопнул часовой раз, хлопнул курком два, а выстрела-то и нету.

Прибежал старшой и стал ругаться:

— Ты зачем, баранья голова, на посту с незаряженной винтовкой ходишь?

— Неправда! — заорал казак. — Только что заложил я в коробку четыре патрона, пятый загнал в ствол и свернул предохранитель. Вот она, в ногах лежит, от патронов пустая обойма.

Поднял старшой обойму. Подошли тут ещё казаки, сбились кучей и стали думать: «Как же оно так вышло?»

Сидела мать у окна и горько плакала. Вдруг просунулась в окно вся в репьях, лохматая Гришкина голова.

— Ты откуда? — воскликнула мать.

— Дай спички!

— Зачем?

— Дай! — настойчиво повторил Гриш-

ка и схватив с подоконника коробок, скрылся.

И во-время. Вошёл из сеней казак, оглянулся и спросил:

— Ты с кем это, баба, сейчас разговаривала?

— Да так, сама с собой, — отвечала мать, испугавшаяся за Гришку.

Удивился казак и позвал старшого. Удивился старшой и сказал:

— Чудны дела, казаки! Люди сами с собой разговаривают. Убитые исчезают. Заряженные винтовки не стреляют...

И тогда покосились казаки на тёмные окна. И каждый подумал: «А не лучше ли отсюда на ночь убраться к своему полку поближе?» Но тут грянул в темноте выстрел. И пошёл огонь, пошла канонада.

— Красные!

— Окружают!

Повскакивали казаки в сёдла, и только окна зазвенели от конского топота.

А когда всё стихло, осторожно просунулась в хату голова Гришки.

— Никого, мама?

— Никого, Гришка.

— Пойдем открывать амбар, мама!

— погоди, Гришка. Пусть отопрут сами товарищи.

— Какие товарищи?

— Красные! Каких ждали!

— Никого, мама, на дворе нету, — хмуро сказал Гришка. — Это я за огородом патроны разложил, завалил сеном да и зажёл спичкой. Вот тут-то они у меня и загрохотали!

Ничего не сказала мать. Вытерла слёзы. Зажгла фонарь. Взяла топор. И пошли они с Гришкой сбивать замок с амбара.

Синее море

Был я маленький, и мечты у меня были маленькие. И вот, помню, долго мечтал я о мячике. И однажды сбылась моя мечта. Подарили мне мячик, да ещё какой!

Только не сберёг я свой мячик, уронил с моста в воду, в Москва-реку...

Уронил и, конечно, заплакал. Стыдно плакать, да что поделаешь, — слёзы сами бегут. А мячик плывёт по течению, всё дальше и дальше, по самой середине реки.

Шёл тут матрос в бескозырке со звездой. Подошёл, хлопнул меня по плечу.

— Ты что же это ревёшь?

А я говорю:

— Мячик жалко...

— А где он, твой мячик?

— А вон, — говорю, — плывёт!

Приложил матрос ладонь к бескозырке, посмотрел вдаль на реку.

— Эх ты, друг, — говорит, — чего его жалеть? Пошёл твой мячик в дальнее плавание. Гляди-ка: бежит он с водой прямо в Рязань. Потом в Муром свернёт. Окою-рекой выйдет к матушке-Волге. Там, может, к плоту прибьётся, а может, сам один поплывёт мимо Жигулёвских гор, где Степан Разин с дружиной гулял, поплывёт вдоль зелёных степей, выйдет в синее море... Понесёт его буря по вольной воде, закачает на крутых каспийских волнах... А ты — реветь! Не го-

рьюй, браток, не утонет твой мячик! Разве что заблудится где в камышах да сглотнёт его рыба белуга или птица бабура... Ну, так и то не беда: белуга долго ли, скоро ли всё равно на крючок попадёт, а бабура — та схватит твой мячик, сунет в мешок да снесёт птенцам. Эко горе! Пускай птенцы поиграют... А ты пока вырастешь, может, сам туда соберёшься. Глядишь — и найдётся твой мячик. Завидовать ему нужно. А ты — реветь!

Ушёл матрос, и мячик уплыл. А мне и не жалко, и слёз больше нет.

Захотелось мне побывать в синем море, своими глазами посмотреть, что за рыба белуга, что за птица бабура и какой такой у бабуры мешок.

Проснулась во мне большая мечта, шевелится, не даёт покою... Я расту, и мечта растёт. Я её гоню, а она меня гонит. Гонит в синее море, в дальнее плавание...

Вырос я и стал моряком. Стал водить корабли по солёным волнам.

Видал птицу фрегата — морского орла. В заморских лесах крошку-птицу колибри видел. Видал страшную рыбу акулу и красавицу летучую рыбку. Самого кита в море видел! А белугу-рыбу и бабур-птицу так нигде и не встречал.

Побывал я в холодном Белом море. И в тёплом Чёрном море побывал. Плавал в Жёлтом море, и в Красном море плавал, а в синее Каспийское море так и не собрался. Не было туда морской дороги, а по суше моряку ходить не пристало.

Только вот однажды были мы в дальнем плавании, в чужом заморском порту. Погрузили груз, стали домой собираться.

Тут подходит начальник заморского порта, нашего капитана по плечу похлопывает, а сам с советами набивается.

— Будете, — говорит, — груз с корабля перекладывать, вы смотрите — поаккуратнее, а то как бы вам от хозяина не досталось.

— Ничего, — отвечает наш капитан, — хозяина нам бояться не приходится, мы всему нашему добру сами хозяева. А груз мы не будем перекладывать. Мы его на своём корабле до места доведём.

Усмехнулся заморский начальник.

— Эх, — говорит, — молодой человек, географию вы плохо знаете! Идёт ваш груз в чёрный город Баку, в Каспийское море. А пора бы вам знать, молодой человек, что Каспий — море особенное. Все моря друг с другом сливаются, а ваш Каспий один лежит среди гор, среди жёлтых безводных пустынь. Нет к нему дороги для корабля, и пройти вам туда немисливо.

— Спору нет, — отвечает наш капитан, — Каспий — море особенное. Да у нас ведь и люди особенные. Нашим людям большие дела по плечу. Недаром нас большевиками зовут. Не было в Каспий мор-

ской дороги, а стала нужна — мы дорогу туда провели. Был наш Каспий солёным озером, а мы из него море сделали!

Заморский начальник открыл было рот, да смолчал. Сказать-то нечего. А мы подняли якоря и домой пошли.

Вот пришли мы к родным берегам, и лёг перед нами чудесный путь — глубокая река рукодельная, от моря до моря людьми проложенная.

Непривычно моряку такой дорогой плыть, зато весело: слева лес шумит, справа хлеб стоит, стада пасутся на лугах, провода бегут.

Высоко бросала нас морская волна, а так высоко мы не хаживали, — до самой Москвы дошли, выше некуда!

Постояли в Московском порту. Смыли чистой водой заморскую соль с бортов и прямой дорогой на Волгу пошли.

Плывём мимо Жигулёвских гор, где Разин с дружиной гулял, мимо славных сталинградских твердынь, где Гитлер шею сломал, мимо вольных степей, где пышные травы ковром раскинулись.

Прошли всю Россию из края в край, и открылся перед нами морской простор.

Закачал нас ветер на крутых волнах, понёс по чистой каспийской воде... Куда ни посмотришь — море кругом. Синее-синее. Такое синее, что синее и быть не может.

Тут и вспомнил я птицу бабуру и рыбу белугу, и

свой мячик вспомнил. Да в тот раз было нам не до мячика. Торопились мы сдать заморский груз.

Наконец показался берег вдали. Над морем горы встают, смотрим — город в горах. Да не чёрный город, а светлый, радостный. Блестит на солнце, переливается. Будто жемчуг рассыпан в распадке гор. На склонах гор сады цветут, у подножья гор море плещется, а в море острова стоят. Только видим — не простые это острова. Таких островов в целом мире нет! Они из железа скованы и на морское дно поставлены. На каждом острове башня стоит, над каждой башней поднят красный флаг, и на каждом острове живые люди есть.

Проходим мимо острова. А я ладони трубой сложил.

— Эй, — кричу, — отшельники! Вы чего это в море жить забрались? Или вам на земле места нет? Или вам на земле делать нечего?

— Места, — отвечают мне с острова, — места, моряк, у нас вольные, только время у нас больно дорого. Мы не отшельники — мы нефтяники, мы здесь не живём, а работаем. Обещали мы в этот год больше прежнего нефти добыть. Вот теперь и торопимся: товарищи на берегу стараются, а мы со дна моря нефть достаём.

Миновали мы железные острова, сдали на берег заморский груз и в море пошли.

Идём полным ходом по синим волнам, на другую сторону Каспия, прямо к берегам Азии. А над морем уже ночь опускается. Маяки нам огнями подмигивают: безопасную дорогу показывают.

Вышел я на палубу. Темно кругом. А в море гляну — рыбаки собрались. Рыбачьи суда встали кольцом, с бортов сети в воду опущены, а в середине кольца море светится, будто горит голубым огнём.

Всяких я на морях рыбаков видал. Сам и сетью ловил, и неводом, и крючковой снастью, и удочкой. А такого лова я не видал. Так ещё нигде не рыбачили.

«Что же, — думаю, — они здесь делают? Уж не рыбу ли белугу задумали ловить?»

Вот я ладони трубой сложил.

— Эй, — кричу, — рыбаки! Вы не рыбу ли белугу ловите?

— А что, — отвечают они, — моряк, тебе никак белужины хочется? Нет, моряк, мы белугой не занимаемся, мы тут кильку на свет ловить придумали.

— Это как же?

— А так, — говорят, — электричеством. Она, килька-то, рыба мелкая, а тоже вкусная да жирная. Только в море её поймать мудрено, уж больно она глупая: по сотне, по тысяче в сеть идёт, а нам её так ловить некогда, — у нас все минуты сосчитаны. Обещали мы в этот год рыбы в море взять больше прошлых лет. Вот мы и придумали: опускаем в море яркий фонарь, на свет килька миллионами собирается, а мы её сетями обвешиваем, поднимаем из моря да в лодки кладем. Давай подставляй ведро, моряк, угостим тебя свежей килькой, а белужину в другой раз попробуешь.

Наварил я на завтрак жирной ухи. Товарищи кильку похваливают, а сами вперёд глядят: не открылся ли берег Азии?

Вдруг из моря встали две белые горы, заблестели на солнце, как чистый снег. А откуда быть снегу в этих местах? Кругом жара, вода в море — и та горячая.

Мы у этих берегов не плавали, а по карте здесь горы не показаны.

Вот мы и задумались: может, якорь бросить да шлюп-

ку спустить — на берег послать, про эти горы спросить?

Тут на мостик поднялся сам капитан.

— Вы что же, — говорит, — товарищи, задумались? Что же вы ход убавили? Или в карте сомневаетесь, или маякам не верите? Карта у нас советская, верная, маяки исправные, надёжные. А если берега меняются, так тут удивляться нечего: нашим людям большие дела по плечу.

Капитан сам у штурвала встал, крикнул в машину:

— Самый полный — вперёд! — И повёл наш корабль прямо к этим горам. И привёл наш корабль прямо в порт Красноводск.

Стали мы между двух белых гор, вышли на берег и всё поняли: одна гора из хлопка сложена. Эту гору здешние колхозники под жарким солнцем Туркмении своими трудами вырастили: собрали в полях по цветку, по коробочке и сложили здесь, на морском берегу.

А другая гора — морская соль, со дна залива Кара-Богаз.

Погрузили мы в трюмы морскую соль, погрузили хлопок в тугих тюках, подняли якорь и дальше идём.

Вот мы синее море кругом обошли, повидали в море разных чудес, повстречали в море разных людей, узнали каспийские новости. А рыбу белугу так и не встретили, и птицу бабуру не видели, и мячик мой нигде не нашли.

Идём. А у берега, в камышах, лежит на воде пеликан-великан. Вроде белого пловучего острова. У него на спине баклан сидит, точно чёрный всадник на белом коне. Тут они вместе охотятся, промышляют рыбу.

Вот баклан в море кинулся, вынырнул и удивляется: рыбина попалась незнакомая. Пеликан про-

тянул за ней красный нос, а рыбина в зоб не умещается.

Тут баклан с пеликаном поссорились. Один кричит, и другой кричит. Крыльями машут, ругаются. А рыба слушала, слушала, пёрышки, как крылья, расправила, чешуёй блеснула и в море ушла. Баклан с пеликаном поругались ещё и разлетелись в разные стороны.

А мы дальше торопимся.

Места тут пошли богатые. Куда ни помотришь — невода стоят, паруса виднеются, баркасы, полные рыбой, идут.

Гляжу — рыбаки невод бросили. Да что-то, видно, у них не ладится: невод в воду не погружается.

Им бы невод выбрать, да выстелить, да прибавить груза на нижний край, а они стараются, будто ничего и не заметили.

«Что же, — думаю, — они делают? Уж не птицу ли бабуру ловить собрались? Рыба-то по воздуху не плавает, а летучая рыба здесь не водится».

Вот я ладони трубой сложил.

— Эй, — кричу, — товарищи, вы не птицу ли бабуру ловить собрались?

Засмеялись рыбаки на мои слова.

— Ты, моряк, — говорят, — как малое дитя. С бабурой нам играть некогда, мы из того возраста выросли. Промышляем мы рыбу кефаль. Раньше здесь её вовсе не было, а сейчас она несметными стаями путешествует по синему Каспию. Мы её гостьей черноморской зовём. Её с Чёрного моря к нам привезли и пустили в Каспий двадцать лет назад. Привыкла кефаль к нашей вольной воде, раскормилась на наших сытных харчах, разжирела, а резвости не сбавила. Одним словом, рыба с характером, не то, что вобла ленивая, не то, что селедка глупая, не то, что белуга сонная.

Простым неводом её не возьмёшь — она через невод перепрыгивает.

Тут из моря рыба вырвалась, сверкнула серебряной молнией, как на крыльях полетела по воздуху да с разгону в сеть ударилась. За ней другая, третья — вся вода засверкала живым серебром, как большое разбитое зеркало. А рыбаки уже невод стягивают, к берегу улов пританивают.

Капитан наш стоял на мостике, смотрел, смотрел да как расхохочется!

— Вспомнил я, — говорит, — тех рыбаков-чудаков, как их гостя черноморская отдала. Перессорила старых разбойников: у баклана из-под носа ушла и бабуру за длинный нос провела.

Засмеялись все на эти слова, а я, по правде сказать, расстроился: значит это бабура и была, значит здесь бабурой пеликана зовут.

Сколько лет я бабуру искал, а пришлось в синем море встретиться, я её и в глаза не узнал, и какой у неё мешок — не видал, и не знаю, где её гнездо искать и где её птенцы живут.

Тут и плавание наше закончилось. Корабль подходит к берегу, загудел, подваливает к пристани.

А я всё стою, всё на море гляжу. Может, думаю, бабура с моря прилетит.

Сошёл я с пристани на берег, обернулся, гляжу: что это? В небе чёрная точка обозначилась, приближается, разрастается. Побелела, засверкала в лучах. Никак бабура с моря летит? Так и есть — бабура летит!

Только вижу: не я один, — стоит женщина, тоже бабуру ждёт.

Посмотрел на море. Вот тебе раз: никакая не бабура, — настоящий самолёт. Летит над морем, снижается, сделал круг и сел у самой пристани.

Из кабины пассажиры сходят на берег — рыбаки с далёких морских промыслов. И среди рыбаков мальчик в курточке, с ясными золотыми пуговицами, в морской фуражке, в морских сапогах, а в руках у него камышёвая кошёлочка.

Женщина к мальчику бросилась, а он, как взрослый, поздоровался и начал баском рассказывать:

— Я, мама, один прилетел. Папка следом плывёт, улов везёт. Я там, мама, птицу бабуру видал, а папка белугу поймал, здоровенную, на тысячу килограммов. Насилу мы её вытащили. Хорошо там у папки на промысле, комары немножко кусаются, — ну, да я теперь к комарам привык. Прямо улетать не хотелось. Да завтра занятия начинаются, а мы, отличники-второклассники, дали слово товарищу Сталину в этот год учиться лучше прежнего. Мне уроки никак нельзя пропускать... А ещё, — я чуть не забыл сказать, — вон мы с папкой что нашли в камышах...

И смотрю: из кошёлки мячик достал. Вроде мой мячик, а может, и не мой. Мячики-то все одинаковые — круглые.

А мечты у всех людей разные.

Я вот о синем море мечтал. А он у самого моря живёт, с рыбаками в Каспий ходит запросто. Отметки у него отличные. В школу он на самолёте прилетел. В море он птицу бабуру видал. Отцу помогал белугу ловить. Большие дела у него впереди, а пока пускай играет мячиком.

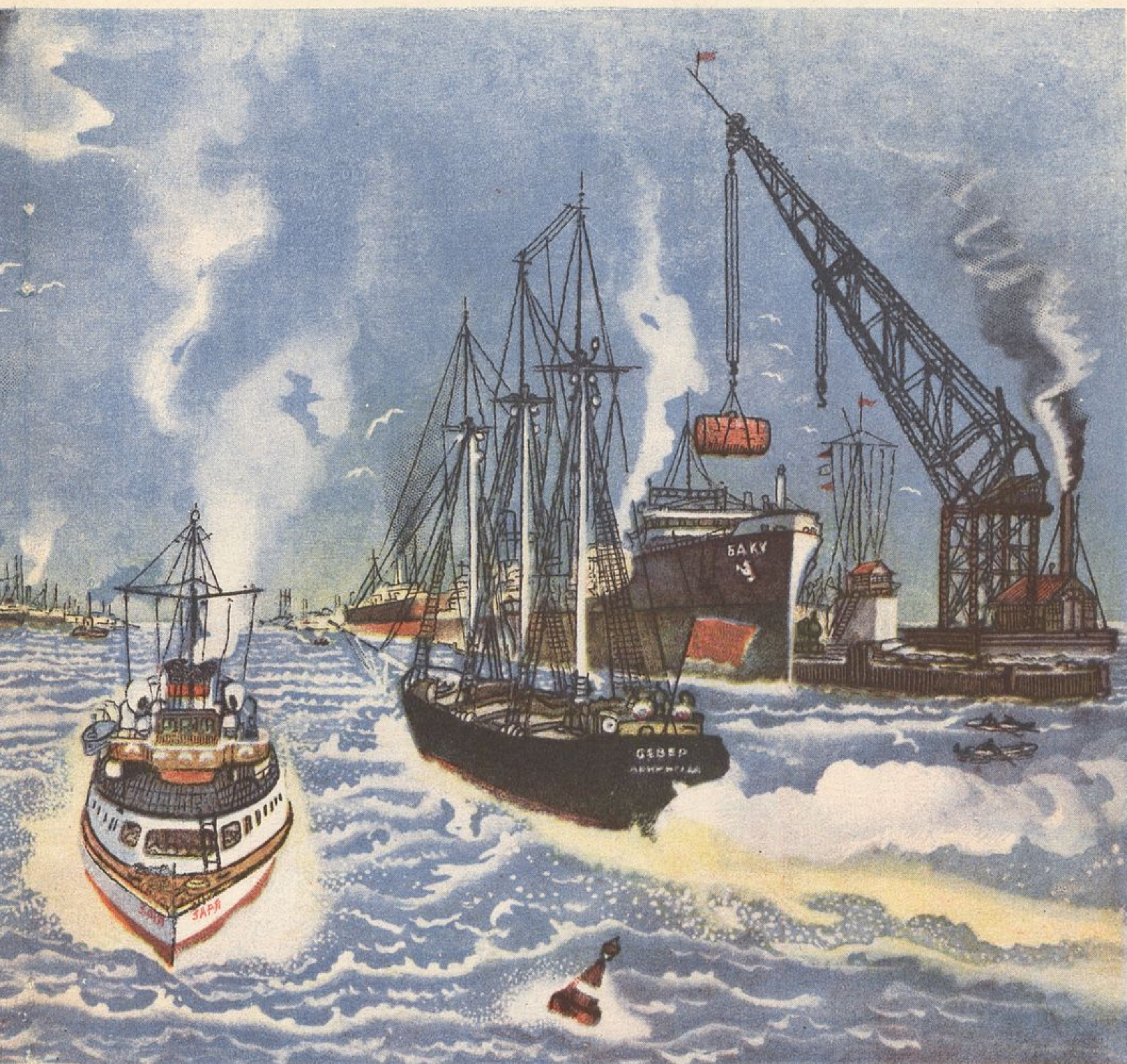

Морской порт — это место стоянки кораблей. Посмотрите, как здесь кипит работа. Она не прекращается ни днём, ни ночью.

У бетонных стенок-причалов дымят огромные пароходы. Проворные береговые краны подхватывают со дна глубоких трюмов сеть с пачкой ящиков или автомобиль и бережно опускают на мостовую. А если

надо поднять паровоз или тяжёлый котёл, для этого есть могучий кран, плавающий на воде. Его хобот выше пятнадцатэтажного дома, а крюк больше письменного стола.

Тесно в порту стальным великанам. Того и гляди, заденет соседа или ударится о стенку. Безопаснее пользоваться буксира-

ми. Эти юркие пароходики подводят корабли к причалам, помогают разворачиваться.

В порту — словно на шумном проспекте. В разные стороны движутся суда. Вот уходит в море стальная шхуна «Север». Сейчас у неё работает керосиновый мотор, а подует ветер — подымут паруса, и шхуна

понесётся по волнам, как чайка. Навстречу несутся речной трамвай и катер, ползёт неуклюжая баржа. Гудки, лязг железа и дробь автоматических молотков на судостроительном заводе наполняют воздух.

Так идёт работа во всех наших морских портах — и на Севере, и на Балтике, и в Чёрном море, и на Дальнем Востоке.

Е. ТРУТНЕВА

Рис. А. АЛЕЙНИКОВА

ПИОНЕР

Врагами город у реки
Разрушен был дотла.
В заводах замерли гудки,
И злая непогода пески
На площадь намела.

Из окон школы пулемёт
Строчил и день и ночь,
И даже птицы в этот год —
И те летели прочь.

В библиотеке на дворе
Шесть дней клубился дым —
Горели книги на костре,
И дуб столетний в сентябре
От пепла стал седым.

Недолго враг, как страшный
сон,
Царил в родном краю, —
Весной советский батальон
Взял город с четырёх сторон
В тяжёлом, злом бою.

Усталый конь сбавляет шаг,
И видит генерал:
Встречая войско, красный флаг
На крыше заиграл.

Разбит, разрушен городок,
От пепла сед и сер,
Но... знамя города сберёт
Мальчишка-пионер!

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Рис. А. АЛЕЙНИКОВА

ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ

Во время войны один молодой командир, начальник танковой колонны, получил задание: подойти со своими танками вплотную к немецким дотам и разгромить их. Задача была нелёгкая. Танкам нужно было пройти около километра открытым полем, на виду у врага. А немцы засели на высотах, откуда просматривалась и простреливалась вся местность. Несколько раз советский офицер выводил свои танки из леса на опушку, и каждый раз фашисты встречали его пулемётным огнём и артиллерийским громом. Волей-неволей приходилось уходить обратно в лес.

Тогда офицер подумал и приказал замаскировать танки. Он велел бойцам наломать ёлочных веток и забросать ими свои машины.

Через полчаса живые деревья на гусеничном ходу тронулись в путь. Но не успели первые танки выехать на опушку, как неприятель снова открыл огонь. Танкам опять пришлось отступить в лес.

«Что такое?» с досадой подумал командир.

Он вылез из своей машины, отошёл в сторону и присел на пенёк. Издали он увидел, как танки разворачиваются на лесной дороге.

«Почему я их вижу? — удивлялся командир. — Ведь они же замаскированы».

И вдруг он понял: танки замаскированы плохо. Все деревья в лесу покрыты густым снегом, а эти стоят на танках, как новогодние ёлки.

И вот через несколько минут танки опять, в третий раз, пошли в наступление. Медленно, на самой малой скорости, и почти бесшумно двигались они по направлению к холмам. На этот раз противник их не видел. Целые сугробы снега лежали теперь на поддельных деревьях. И только когда до холмов оставалось шестьдесят-восемьдесят метров, гитлеровцы опомнились, спохватились и открыли огонь. Но было уже поздно. Советские танки развернулись цепью, и через минуту от вражеских укреплений остались одни развалины.

Н. АРТЮХОВА.

Рис. Ю. КОРОВИНА

Ч Е Р Е З Ц Е П О Ч К У

Саша и Митя Смирновы по-хозяйски перелистывали альбом с фотографиями.

— Вот наш папа. Это — маленький, а это — когда на фронт уезжал.

— Чей папа лучше? — спросил Саша Черкасов и положил рядом с альбомом фотографию своего отца.

— Наш лучше! — хлопнула по столу маленькой ладошкой Женя Черкасова.

— Маруся, — обратился Митя за помощью к старшей сестре, — они говорят, что их папа лучше!

Маруся читала на другом конце стола. Она прижала указательный палец к месту, на котором остановилась, — чтобы не потерять.

— Какой твой папа молодой и красивый! — сказала она.

— Ага! Ага! — обрадовался Саша Черкасов.

— Зато ваш папа просто старший лейтенант, — сказал Саша Смирнов, — а наш папа — майор!

— И орденов у нашего папы больше, — подхватил Митя.

Саша и Женя Черкасовы растерянно переглянулись. Они были самые маленькие и ещё не умели спорить.

— Не надо ссориться, — сказала Маруся. — Скоро вернутся наши папы, и мы сами увидим, кто из них лучше. А, может быть, оба хорошие.

Послышался звонок. Митя сорвался с места.

— погоди, не отворяй, я сама пойду. Кто? — громко спросила Маруся.

Стоявший за дверью человек ответил таким голосом, будто он бежал по лестнице и за ним гнались.

— Скажите, пожалуйста, в какой квартире живёт Татьяна Александровна Черкасова?

— Здесь, только её дома нет, она ещё не вернулась со службы.

— В котором часу она возвращается? Ну и дом у вас! Стоит на пустыре, номера не видно, и спросить не у кого.

Маруся приоткрыла дверь, и сейчас же сильная мужская рука рванула дверь на себя. Цепочка звякнула, натянулась и не позволила незнакомцу ворваться в переднюю. Маруся смотрела на него испуганными глазами. Перед ней стоял военный — капитан с худым загорелым лицом.

На лице морщин почти не было — только две резкие около рта. Но волосы были седые. Поэтому было не совсем понятно: очень ли он старый, или просто не очень молодой.

— Можно мне зайти и дождаться её?

Маруся ответила сдержанно:

— У них замок на двери.

— Нельзя ли мне подождать в передней? Что, её соседи дома?

— Я соседка.

— А постарше никого нет?

— Никого. А вы её знакомый?

Капитан улыбнулся:

— Право, не знаю, можно ли меня называть знакомым.

Он прибавил ещё что-то, но Маруся не расслышала, так как Митя шипел ей в ухо:

— Зачем ты сказала, что старших дома нет?

— Да ну тебя, Митька! — Она повернулась к капитану: — Мама не позволяет нам впускать незнакомых... Вы уже извините.

— Что ж делать! Понятно. Придётся подождать здесь. Эх, часы остановились! Сколько сейчас времени?

— Сашка, посмотри.

Капитан заинтересованно переспросил:

— Сашка? Какой Сашка?

— Мой брат.

Капитан сказал: «А!» и, узнав, что уже половина седьмого, присел на перила лестницы. Разговор можно было считать оконченным. Маруся закрыла дверь.

— Какой-то странный, — сказала она Саше и Жене: — сам не знает, знакомый он вашей мамы или нет. Капитан.

Все вернулись в комнату. Но человек за дверью беспокоил и не давал заняться ни чтением, ни игрой. Через пять минут вся компания опять перекочевала в переднюю.

— Ушёл насовсем?

— Нет, ходит.

В дверь постучали.

— Вот что, ребята. Терпенья моего нехватает. У Татьяны Александровны на службе есть телефон?

— Есть.

— Скажи мне, девочка, я сбегая на автомат, позвоню ей.

— А мы номера не знаем.

— Эх вы, малыши! — Капитан с досадой стал ходить по площадке — четыре шага вперёд, четыре шага назад.

— Ребятишки, вас там целая куча. А ну-ка, вспоминайте! Кто мне номер найдёт — премию получит. У меня конфетка есть.

— Сашка, ты не знаешь мамин телефон?

— Сашка? Сколько их там у вас? Какой Сашка?

— Саша Черкасов.

Капитан жадно заглянул в переднюю, стараясь, насколько возможно, расширить щель, но щель не расширялась.

— Дайте мне его сюда! Который у вас Сашка Черкасов?

Митя и Саша Смирновы подтолкнули Сашу Черкасова к двери. Его напугало нагнувшееся к нему сухое, обветренное, загорелое до черноты лицо. Он отбивался и хотел ускользнуть, но четыре маленькие руки крепко упирались ему в спину.

Капитан сказал недовольно:

— Ну уж нет! Вы мне чужого мальчишку не подсовывайте. Мой Сашка беленький, а вы мне какого-то тёмноволосого предлагаете!

Обиделись все. Саша Черкасов всхлипнул, вырвался наконец из рук своих приятелей и на четвереньках отбежал от двери.

Митя и Саша Смирновы смотрели на капитана враждебно. Маруся сказала:

— Никто вам никого не подсовывает и не предлагает. И вообще это не ваш Сашка.

— Это не мой, я его и не хочу. Дайте мне сюда настоящего Сашку Черкасова.

Капитан опять заглянул в переднюю, натягивая цепочку:

— Эй! Сашка Черкасов! Сынище! Иди сюда!

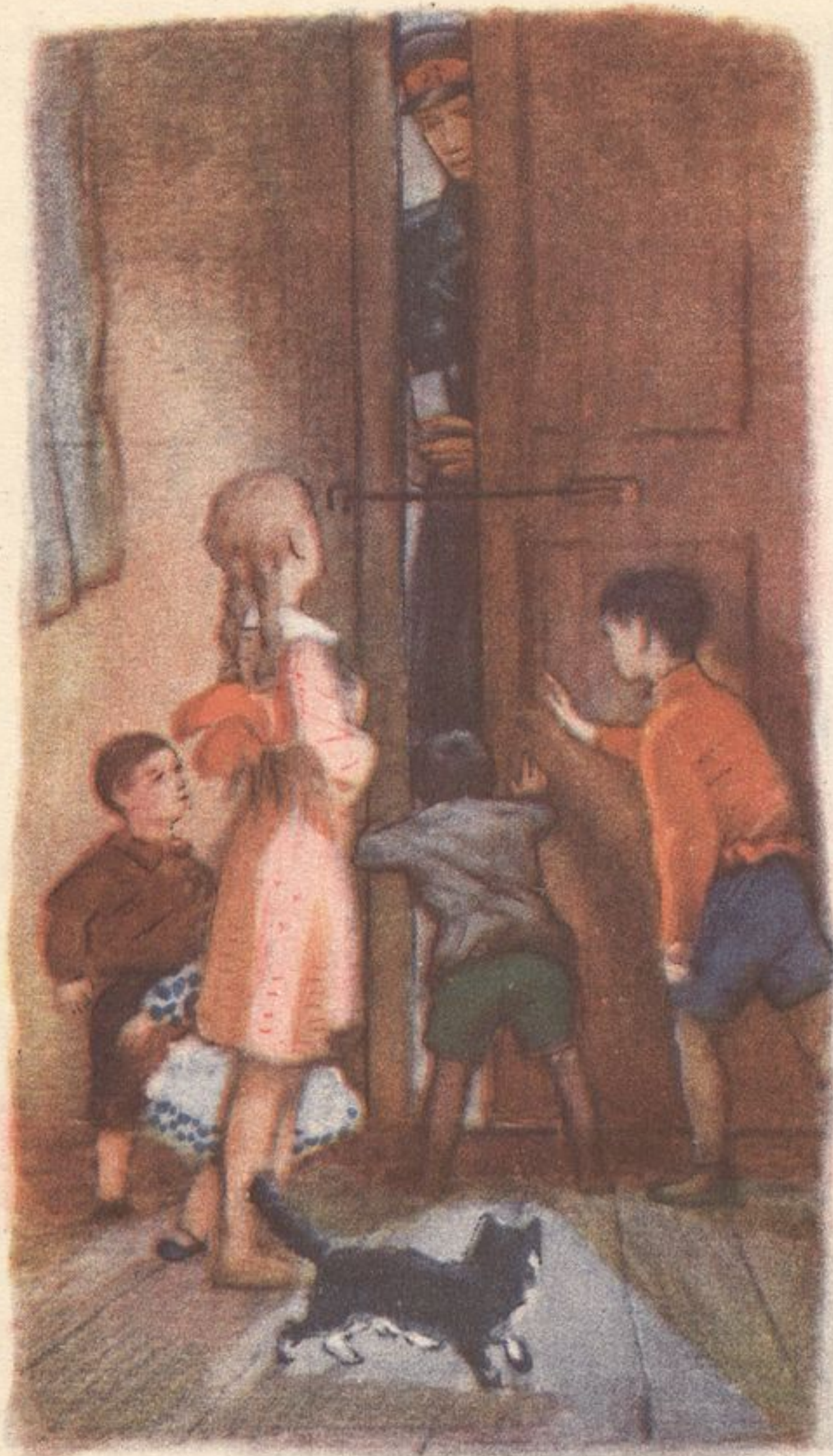
Саша Черкасов забился под столик около зеркала и крикнул испуганно:

— Не пойду!

— Не ходи. Тебя мне и не нужно. Настоящий Сашка Черкасов! Где ты? Беленький!

— Никакого тут беленького Сашки нет, — с негодованием ответила Маруся. — И вы, пожалуйста, не кричите и не ломайте нам дверь!

— Вот что, ребята, — капитан старался говорить как можно спокойнее. — Пошутили надо мной — и хватит. Впустите меня. Откройте дверь, дайте мне моего мальчишку. Я мог терпеть и ждать на лестнице, думал, что никого дома нет, но теперь я знаю, что мои ребята дома, и больше терпеть не могу. Женечка тоже дома?

Саша Черкасов сердито ответил из-под столика:

— Нет, — и погрозил Жене, стоявшей в дальнем углу передней: — Не ходи, он страшный!

Маруся подошла к щели.

— Я не понимаю, что вам надо и кто вы такой.

— Как кто? Девочка, я же тебе сказал:

я их отец, с фронта приехал. Открой,пусти меня. Я этой минуты четыре года ждал! Ну что это за квартира — прямо неприятельский дот какой-то!

Маруся, потрясённая, смотрела на капитана.

— Вы — их отец, Андрей Павлович Черкасов?

— Да.

— Подойдите сюда поближе. Снимите фуражку. Повернитесь к свету. Наклоните голову.

Капитан послушно поворачивался к свету и наклонял голову. Маруся сказала с твёрдостью:

— Вы — не он!

— То есть как это — не он? Я — не он, а я — это я.

— Вы не Андрей Павлович Черкасов, вы на него совсем не похожи. Слышишь, Сашка, он говорит, что он ваш папа. Пойди посмотри.

— Я видел. Это не папа, — слышалось из-под столика.

— Их папа молодой и красивый, — сказал Саша Смирнов.

Митя прибавил:

— А вы даже и ничей папа. Вы просто чей-то даже дедушка.

— Спасибо на добром слове! Повоевал бы ты с моё...

Капитан опять прошёлся до угла площадки и обратно.

— И как вы можете говорить, что я — это не я, когда вы меня первый раз в жизни видите?

Три голоса ответили почти вместе:

— Мы вас только что разглядывали. Мы видели вашу фотографию, — вы должны быть молодой и красивый!

— Какую фотографию? Дайте мне её сюда! — Капитан посмотрел и усмехнулся: — Был один такой!

Маруся сказала возмущённо:

— И вы говорите, что это вы?

— Девочка... Как тебя зовут? Маруся? Маруся, фотография эта снята десять лет тому назад! Неужели человек так и обязан на всю жизнь оставаться молодым и красивым? Вот тебе мои документы. Всё в полном порядке. Проверь и не томи ты меня больше, открой дверь.

Документы переходили из рук в руки.

Их внимательно рассматривали все. Даже маленькая Женя подошла и заглянула с любопытством. Дольше всех вертела их в руках Маруся, потом осторожно вернула капитану.

— Ну как? — спросил капитан. — Я — это я? Правда? Снимай цепь, можно меня впустить.

— А я документы читать не умею, — спокойно ответила девочка: — они всё равно непонятные. Я только книжки, если большими буквами.

— Так. — Капитан помолчал. — Слушай, Маруся: если я спущусь в первый этаж и попрошу кого-нибудь потолковее прочесть мои документы, ты меняпустишь?

— А там сейчас потолковее никого. Там сейчас одна Верка. Её бабушка с моей мамой в Мосторг уехали.

— Ладно, — сказал капитан, — не пойду я стучаться в чужие квартиры и доказывать, что я — это я. Я нашей мамы дождусь. Уж она-то за меня заступится и вам всем покажет, как не впускать домой папу!

Эта угроза обидела Марусю.

— Вы совсем и не папа. Папа у них старший лейтенант.

— А мне одну звёздочку прибавили.

— Вы на каком были фронте? — спросил Митя.

— На Первом Украинском. То есть я...

— Не совпадает, — сказала Маруся. — Их папа на Белорусском.

— А меня перевели. Я после госпиталя в свою часть не вернулся.

— Сколько раз вы были ранены? — спросила Маруся, посмотрев на его нашивки.

— Четыре раза. Но я...

— Не совпадает. Их папа — только два.

— Так я же про те два раза не писал. Что же писать о пустяках, — это было совсем немножко.

— Вот видите, вы сами про себя нетвёрдо знаете. Сколько у вас орденов?

— Считай!

— Я уж вижу, что не совпадает. Потому и спросила.

— Так это же... Я не успел написать.

Маруся вздохнула:

— Что-то вы всё путаете.

Саша Смирнов ласково посмотрел на капитана:

— Вы, должно быть, свой однофамилец!

Капитан сказал: «Фу!» и опять раздражённо забегал по площадке.

— Как же можно его впустить? — шептала Маруся ребятам. — Совсем другой человек: на их папу непохожий, ничего не совпадает и от Сашки сам отказался.

— Женя! Не подходи к двери! — крикнул Саша Черкасов.

— А мне хочется на него в щёлочку посмотреть.

Капитан взволнованно застучал опять:

— И Женечка там? Женя Черкасова? Она дома? Да покажите мне её! Маруся, покажите мне Женю хоть через цепочку! Хоть на одну минуточку покажи! Ведь я же уехал, когда ей всего два месяца было!

Маруся осторожно приоткрыла дверь и подвела Женю.

— Смотрите.

Женя приветливо улыбалась и была вся такая беленькая, пушистая, в белом фартучке с крылышками. Капитан присел на корточки перед дверью и говорил, задыхаясь:

— Ух ты, дочка! Мамины глаза! Дай сюда твои лапки... Женечка! Ты своего старого и некрасивого папку узнала?

— Узнала, — ответила Женя.

— Женечка, если бы не эта противная Маруся, которая не позволяет, ты бы своего папку в домпустила бы?

— Впустила бы.

— Женюточка моя! Дочка! Беленькая! Ну покажи мне ножку, просунь её сюда!

— Отец! — сказал Саша Смирнов. — Смотри, как нацеловывает. Не станет чужой дядька чужой девчонкин башмак целовать.

— А ты видел когда-нибудь, как папы дочкам башмаки целуют? — спросил Митя. — Вот то-то! Просто притворяется!

Обе Женины руки и правая ножка были уже по ту сторону щели, на площадке лестницы. На левой ноге стоять было неудобно и непрочное. Девочка не удержалась, шлёпнулась на пол и большим белым пушистым комком откатилась в глубину передней. Капитан вскочил, затряс и задёргал дверь.

— Откройте!

Маруся испугалась, что он сорвёт цепочку, и захлопнула дверь. Капитан стучал кулаками и кричал:

— Откройте!

Если бы во втором этаже был кто-нибудь потолковее маленькой Верки, обязательно высунулся бы посмотреть, хотя бы из любопытства.

— Женечка, ты ушиблась?

— Нет, — ответила Женя тоненьким голоском.

— Женечка, ты на своего глупого папку не сердишься?

— Нет.

— Умница!

Он помолчал и попросил совсем смирным голосом:

— Ребята, откройте хоть на цепочку. Что же это вы от меня спрятались?

— Не откроем, — ответила за всех Маруся. — Мы вас боимся.

И в передней, и на лестнице стало тихо. Было любопытно и страшно — и немного жалко человека, стоявшего за дверью и по непонятным причинам называвшего себя отцом Жени и Саши.

— Давайте посмотрим в это окошечко, что он делает, — шопотом предложил Митя.

Притащили стремянку. Митя, стараясь не шуметь, поднялся на самую верхнюю ступеньку и посмотрел в маленькое окошечко над дверью.

— Ушёл? — спросила Маруся.

— Нет. Стоит. На перила облокотился.

— Ну как? — через минуту опять спросила Маруся.

— На ступеньку сел. Платок вынул — глаза вытирает.

— Плачет? — прошептала Женя.

— Не знаю, может быть, просто что-нибудь в глаз попало.

Саша Смирнов сказал

дрогнувшим голосом:

— Заплачешь, если родные дети в дом с фронта не пускают.

Саша Черкасов неожиданно вылез из-под столика и, раньше чем его успели остановить, приоткрыл дверь, насколько позволяла цепочка.

— Послушайте: если вы наш настоящий папа, я могу оттолкнуть эту девочку, Марусю, и открою вам дверь.

— Не нужно. Не устраивай драку. Уж и без того Женечка из-за меня пострадала. Женечка, ты как — ничего?

— Ничего.

— Умница. Ты, дочка, умнее их всех. Ну и вредная же у вас, ребята, эта ваша глав-

ная соседка Маруся! Я бы от такой соседки сбежал!

— Товарищ капитан, — начала Маруся дрожащим от обиды голосом, — если бы вам ваши генералы поручили охранять какую-нибудь вашу военную крепость и не впускать незнакомых!.. Наши мамы ушли сегодня обе и мне поручили квартиру и этих маленьких... И чтоб с незнакомыми через цепочку... Могу я вас впустить, когда вы совсем на их папу непохожий и незнакомый?

— Она права, — сказал капитан. — Дисциплина прежде всего. Беру все свои обидные слова назад. В конце концов никаких доказательств того, что я — это именно я, кроме документов, у меня нет. Товарищ старший сержант!

— Вы это кому говорите? — спросила Маруся.

— Как кому? Тебе говорю. Если ваши мамы генералы, ты, я думаю, что-то вроде старшего сержанта или младшего лейтенанта. Правильно?

Он встал, выпрямился и вежливо приложил руку к фуражке:

— Товарищ младший лейтенант, разрешите дочке меня поцеловать, не открывая двери, в эту щёлочку.

— Хорошо. Если только она сама захочет. И если вы не будете её опять к себе втягивать.

— Давайте поцелую, — охотно согласилась Женя.

— Женечка, говори мне «ты». Ведь я же твой папа!

Он подставил щёку, — Женя звонко чмокнула.

Капитан даже зажмурился от удовольствия.

— Ух ты!.. До чего же хорошо!

— Если нужно, я могу ещё. — Женя потерла губы. — Вы колкий.

— Виноват, дочка, побриться не успел!

— Я тоже хочу вас поцеловать, — сказал Саша Черкасов.

— Только не «вас», пожалуйста. Говори мне «ты», Сашка. Вот теперь я вижу, что ты действительно как будто мой Сашка. И глаза у тебя тоже мамины. Но как же это ты так потемнел, до неузнаваемости?

Саша застенчиво улыбнулся:

— А вы на фотографии были тёмный, а теперь белый.

Капитан посмотрел на него огорчённо:

— Ты что же, так и не будешь меня на «ты» называть? Ты не веришь, что я твой папа? Сашка! Женя! Если вы не будете меня называть на «ты», я начну обижаться!

— А вы не обижайтесь, — сказал Саша.

— Мы вас будем на «ты» называть, — закончила Женя.

— Вот что, ребята: если меня сейчас, сию минуту никто не назовёт на «ты», я уезжаю обратно на фронт.

— Фронта нет, — сказала Маруся.

— Неважно... Заплачу и уйду от вас, куда глаза глядят, насовсем!

— Мы вам скажем! Вы не уходите, куда глаза глядят! — крикнули в один голос Женя и Саша.

Капитан схватился за голову и опять сел на верхнюю ступеньку.

— Плачет? — испуганно спросила Женя.

— Да говорите же ему скорее что-нибудь на «ты»! — волновалась Маруся.

— Вы... что здесь делаете? — услышал удивленный голос откуда-то снизу.

По ступенькам лестницы медленно поднималась Женина и Сашина мама, с портфелем и пакетами в руках. Капитан поднял голову.

— Андрюша, это ты?! — крикнула мама, роняя пакеты.

Маруся, охваченная раскаянием, хотела поскорее открыть дверь. Но всем хотелось смотреть на папу и маму. Дверь захлопывалась и открывалась сейчас же опять. Маруся не успевала откинуть цепочку. Татьяна Александровна стучала, смеялась и сердилась.

— Да открывайте же, ребята! Почему вы нас не впускаете? — Потом поворачивалась к мужу: — Андрюша, это ты!

Капитан собирал пакеты на ступеньках лестницы и говорил растерянным голосом:

— Я сам не знаю, Танечка, я это или не я! Может быть, я — не я, а мой собственный дедушка!

Цепочка звякнула в последний раз, дверь широко распахнулась.

— Открывается! Открывается насовсем! Ура! — закричал капитан. — Всё в порядке! Я — это я! И я уже дома!

ОЛЕГ БЕДАРЕВ

Рис. В. ВЫСОЦКОГО

АВТОМОБИЛЬ

Где танки ковали
В военную пору,
Машину собрали
Быструю,
скорую...

Упругие шины
У нашей машины,
Кузов машины
Окраски мышиной.

В машину влезает
Умелый шофёр,
Ногой нажимает
Шофёр на стартёр.

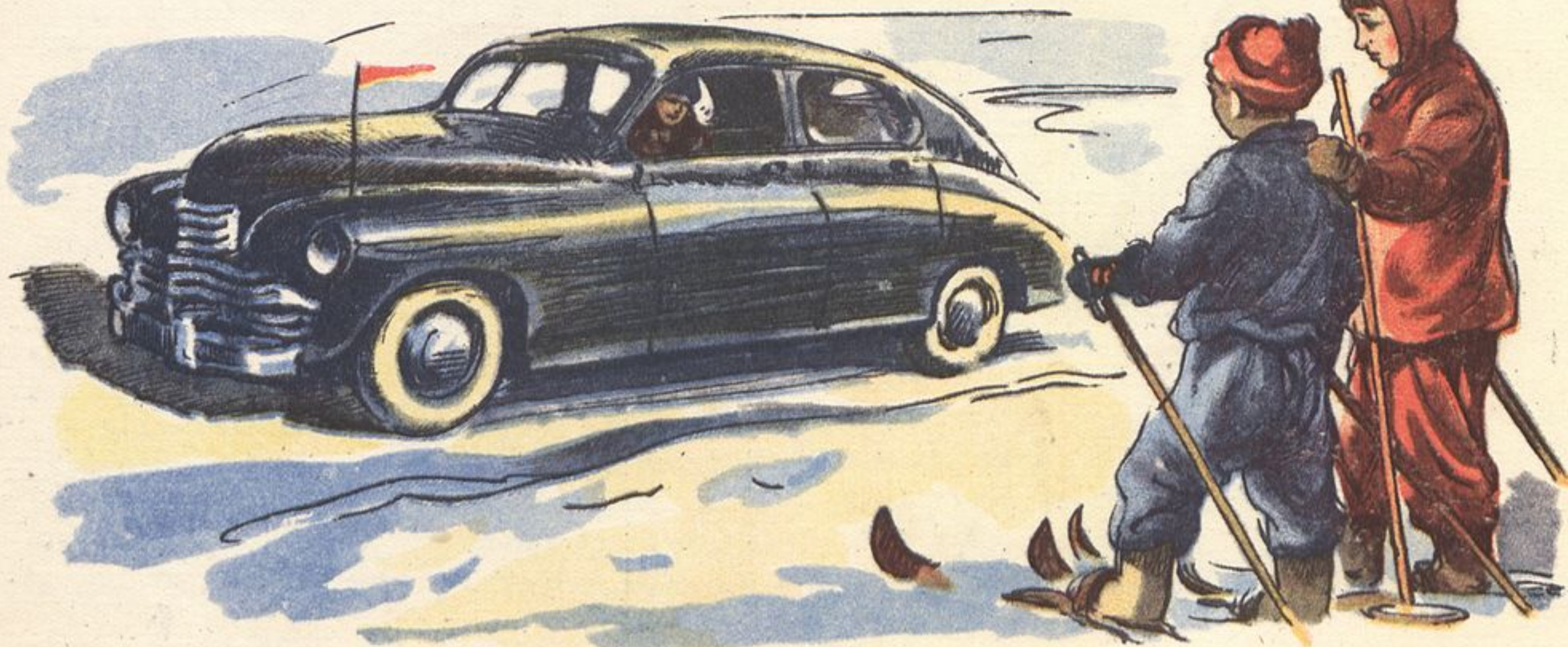
Ногой нажимает
Шофёр на стартёр

И вмиг оживает
Послушный мотор.

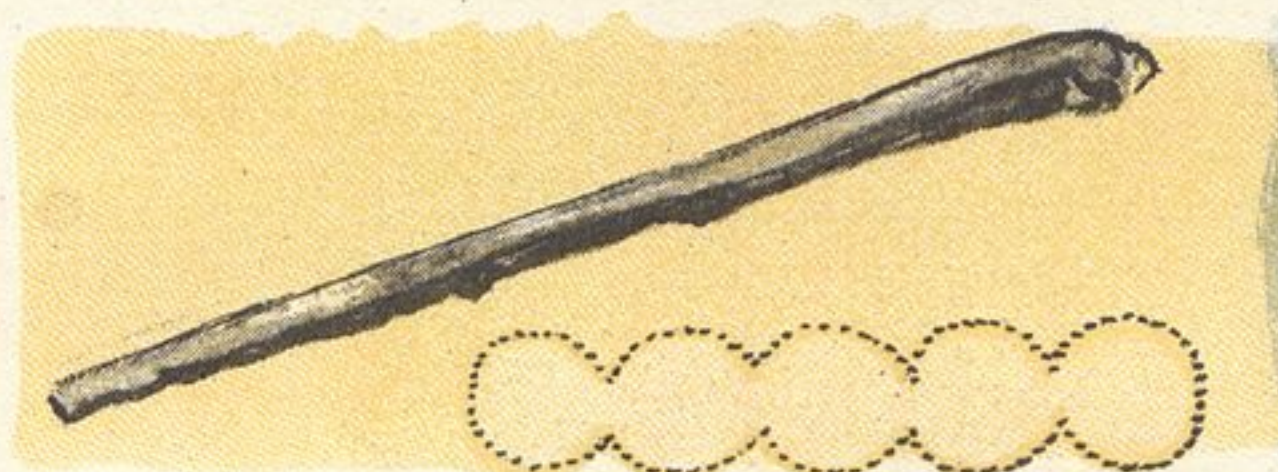
Легко покатила
Машина, а в ней
Немалая сила —
Полсотни коней.

Машина несётся,
Мелькают дома...
По праву зовётся
«Победой» она.

Мы мир отстояли
В упорном бою.
Мы сами собрали
Машину свою.

ПОДПИШИ КАРТИНКИ

Здесь нарисованы картинки. Придумай к ним подписи. Под двумя картинками, слева и справа, подпись должна быть из одинаковых букв.

Нижние четыре картинки тоже подпиши словами из одинаковых букв. Ответ пришли в редакцию.

Рисунок на обложке художника В. Щеглова.

Редколлегия: М. АДРИАНОВА, А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ (редактор), В. БИАНКИ, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, М. МИХАЙЛОВА, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ, В. СЕМЁНОВ

Рукописи не возвращаются

Техн. редактор З. В. ТЫШКЕВИЧ

Год издания двадцать пятый

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6/8. Тел. К 5-82-91. Подписано к печати 10/II 1948 г. 15А00684. Объем 3 печ. л. 2,8 уч.-изд. л. 33 000 экз. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 2659.

Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, Сушевская, 21.

1626

19 MAY 1956